

ЖУРНАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ.

«Три года», рассказ г. Чехова. — «Практика жизни», повесть г. Салова. — «Монологи», очерк г. Баранова.

В февральской книжке «Русской Мысли» окончен рассказ г. Чехова — «Три года». Мы уже говорили, что он носит на себя все следы обычного чеховского творчества: те же измучивающая душу мелочи, те же «хмурые люди», нытики, неврастеники, неспособные ни на что сильное, смелое, прохаживающиеся перед нами в рассказах, как и во всех почти произведениях г. Чехова. Таков именно и главный герой рассказа Лаптев, сын купца-миллионера, человек безусловно интеллигентный. Вся жизнь его сложилась тяжело. Мальчику не было еще и пяти лет, как отец стал уже «учить» его; ученые состояли, конечно, из сплошного битья. Он сбил его розгами, драл за уши, бил по голове; ребенок дрожал в присутствии отца и, просыпаясь, каждое утро думал, прежде всего: будут ли сегодня драть меня? Играть, шалить строго запрещалось; он с братом своим должен был ходить к утреням и ранней обедне, целовать покаяние и монахам руки, читать дома акафисты...

Восьми лет его отдали в гимназию, но розга попрежнему играла видную роль в его жизни. Таково было нерадостное детство нашего героя. Потом он поступил в университет, кончил курс, но навсегда остался искалеченным, больным человеком. Если как будто в нем не было совсем. Перед каждым пустяком, перед каждым шагом своим он останавливается в мучительном сомнении. Сделает одно — и терзается уже: «Ах! зачѣмъ я не поступилъ иначе». Поступить иначе — опять сомнѣніе, опять мученія безъ конца. Все его пугаетъ, все заставляетъ теряться, съживаться. «Онъ», — говоритъ о Лаптевѣ одно изъ дѣйствующихъ лицъ, — старая тряпка изъ бабей юбки... Это такая мазня! Денегъ онъ вамъ отвалитъ сколько угодно, это онъ можетъ, но гдѣ нужно употребить характеръ и дать отпоръ наглцу и нахалу, тамъ онъ конфузится и падаетъ духомъ. Такие люди — прекрасные люди, но для борьбы они совершенно негодны».

Встрѣчается Лаптевъ съ дѣвушкой,

влюбляется въ нее, дѣлаетъ предложеніе въ самой глупой формѣ, получаетъ отказъ и странно мучается; черезъ нѣсколько дней возлюбленная передумываетъ и соглашается быть его женой: опять мученіе, опять сомнѣнія, что его не любятъ, презируютъ и прельщаются только его богатствомъ. Наконецъ, онъ женится, но и тутъ даже и тѣни счастья нѣтъ. Ему приходится окончательно убѣдиться, что жена не любитъ его и скорѣе питаетъ къ нему даже органическое отвращеніе. Но Лаптевъ слишкомъ ничтоженъ, чтобы предпринять что либо рѣшительное, определенное. «У меня», — говоритъ онъ самъ про себя, — трусливая совѣсть, и я никакъ не могу приспособиться къ жизни, стать ея господиномъ». Въ этомъ все несчастье Лаптева, и лучшую характеристику его трудно сдѣлать: «онъ человекъ съ трусливой совѣстью». Въ этихъ двухъ подчеркнутыхъ словахъ выливается вся его дряхлая натура, въ нихъ же нужно искать источникъ всехъ его страданій.

И сколько такихъ Лаптевыхъ съ трусливой совѣстью разбросано по градамъ и весямъ нашими! Да и не будь ихъ такъ много, не было бы у насъ на ряду съ широкимъ развитіемъ гуманитарныхъ идей татарщины и всякихъ безобразій. Мало того, изъ этого же лагеря, какъ увѣряетъ насъ г. Чеховъ, вербуются и наши злобные «патріоты своего отечества», всю душу полагающие въ дѣло ненависти и мракобсія. «Если кто изъ нашей братіи», — говоритъ Лаптевъ, — занимается спиритизмомъ или магнетизмомъ, — а это, добавимъ отъ себя, при склонности ихъ большого мозга ко всякой галиматіи, случается часто, — такъ ужъ непременно и гомеопатъ, и метафизикъ, и символистъ, вѣруетъ въ три свѣчи и въ тринадцатое число, ругаетъ цивилизацію во имя китаизма, о которомъ онъ понятія не имѣетъ, и по-давайте ему науку не иначе, какъ національную. Такое состояніе ума, конечно, не удовлетворяетъ, человекъ не вытываетъ смутное недовольство собою, всегда онъ раздраженъ, озлобленъ и одержимый духомъ противорѣчій, готовъ ужъ просто изъ самолюбія увѣрять, что идеалы русскаго человека — въ невѣжествѣ, въ розгахъ, въ нищетѣ... Въ числѣ такихъ озлобленныхъ неудачниковъ нужно причислить и брата Лаптева, Федора, человека психически

больного. Онъ написалъ статью въ духѣ г. Розанова, подъ заглавіемъ «Русская душа», въ которой доказывалъ, что только ей, русской душѣ, присущъ идеализмъ, а послѣднему, молъ, предложено спасти Европу и указать человечеству настоящій путь. Статью эту онъ показалъ Лаптеву, добавивъ при этомъ, что «мы съ тобой люди русскіе, православные, широкіе люди. Такъ къ лицу ли намъ все эти нѣмецкія и жи-довскія идеишки? Вѣдь мы съ тобой не прохвосты какіе нибудь, а представители именитаго купческаго рода!»

— «Какой тамъ именитый родъ? Драный родъ!» — крикнулъ Лаптевъ въ сильномъ гнѣвѣ. — Драный, хамскій родъ! Дѣдъ нашъ уже не былъ крѣпостнымъ, но мнѣ за достовѣрное извѣстно, что помѣщики его драли... и каждый послѣдній чиновничикъ билъ его въ морду. Отца дралъ дѣдъ, меня и тебя дралъ отецъ. Драный, поганый, подлый родъ; что намъ съ тобой далъ этотъ твой именитый родъ?

Какіе нервы и какую кровь мы получили въ наслѣдство? Ты вотъ уже почти три года разсуждаешь какъ дьячокъ, говоришь всякій вздоръ и вотъ написалъ, — вѣдь это холопскій бредъ!

А я? Посмотри на меня!..

Какъ молясь, молясь какой-то, ни глубины, ни смѣлости, ни сильной воли; я боюсь за каждый свой шагъ, точно меня выноруютъ, я робѣю передъ ничтожествами, идиотами и скотами, сто-лищами неизмѣримо ниже меня умствен-но и нравственно, я боюсь дворниковъ, швейцаровъ, полныхъ дамъ, а за гра-ницей я хожу какъ виноватый... Я рѣдился отъ затравленной матери, съ дѣтства я забитъ и запуганъ... Мы съ тобой хорошо сдѣлаемъ, если не будемъ имѣть дѣтей. Нами долженъ кончиться этотъ родъ, иначе, — я въ этомъ глу-боко убѣжденъ, — въ слѣдующихъ поко-лѣніяхъ мы дадимъ только трусовъ, преступниковъ и сумасшедшихъ!»

Рассказъ кончается тѣмъ, что жена примиряется съ своимъ положеніемъ подруги полного ничтожества. Но въ данный моментъ не это насъ интере-суетъ. Фигура Лаптева поглощаетъ все наше вниманіе.

Итакъ, передъ нами безусловно вы-рождающийся субъектъ, человекъ, пита-ющийся отвращеніемъ ко всякой работѣ, приходящій въ ужасъ передъ всякой

дѣятельностью. И такихъ, какъ мы уже сказали, не мало можно насчитать въ рядахъ нашей интеллигенціи. Стоить только обратиться къ литературѣ, почти не знающей другихъ героев, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Наша беллетристика какъ будто нарочно задалась цѣлью изображать наше русское «безволие», — лучшаго слова не подберешь, — во всѣхъ его видахъ. Одни художники, какъ г. Чеховъ, ударяются при этомъ въ крайность и вводятъ насъ въ міръ людей съ ясными и отчетливыми признаками «болѣзни воли»; другіе, болѣе умѣренные, берутъ въ свои герои людей толпы, на видъ вполне здоровыхъ, но въ сущности страдающихъ все той-же болѣзью воли, какъ и Лантевъ, только въ менѣе рѣзкой формѣ.

Въ тѣхъ-же книжкахъ «Русской Мысли», напримѣръ, читатель найдетъ повѣсть г. Салова — «Практика жизни». Чѣмъ-то бодрѣе, освѣжающимъ вѣетъ отъ нея, когда переходишь къ ней изъ смрадной, тяжелой и больной атмосферы, въ какой все время держалъ вась г. Чеховъ. Ну, воть, думаешь, наконецъ-то, передъ тобой хоть одинъ здоровый человѣкъ, полный жизни, съ ясно опредѣленными задачами, рѣшительный, не знающій мучительныхъ терзаній чеховскихъ героев, словомъ, не трипкатъ изъ бабьей юбки, а настоящій мужчина, умѣющій держать.

И точно, вначалѣ все идетъ прекрасно. Герой живетъ въ деревнѣ, и тутъ, среди дѣвственной природы, вдали отъ суетливыхъ городовъ, онъ обрѣтаетъ свое счастье, занимается работой, полной смысла. Приятно даже смотреть на этого идеалиста, преданнаго своимъ идеаламъ со всею искренностью и восторженностью, на каки только способенъ юная душа. Но вдругъ, оказывается, что и этотъ убѣжденный идеалистъ такая-же трипка, какъ и Лантевъ. Влюбляется онъ въ книжну одну, дочь сосѣдняго помѣщика. Та ему сочувствуетъ вполне. У книжны былъ папаша, нуждавшійся въ деньгахъ; воть онъ и запродалъ свою дочь какому-то генералу. Идеалистъ, узнавшій объ этомъ, — въ смятеніи, но самъ совѣтуетъ книжнѣ выйти замужъ за генерала, ибо онъ богатъ.

Въ заключеніе герой-идеалистъ начинаетъ съ горя пьянствовать и умираетъ отъ водки. Повѣсть написана туск-

ло, безталанно, вяло, но это вопросъ другой; для насъ теперь важенъ самый сюжетъ, а не то, какъ онъ выполненъ. И г. Саловъ, прямая противоположность, какъ художникъ, г. Чехову, выводитъ на сцену все того-же человѣка, страдающаго безволіемъ. Хороша убѣжденность, хороши идеалы и жажда дѣятельности, если первал-же юбка въ состояніи все это уничтожить. А вѣдь книжна и не при чемъ тутъ. Самъ идеалистъ нашъ отказался отъ нея и сталъ въ заключеніе пьянствовать. Словомъ, и онъ при первомъ же щелчкѣ судьбы, при первомъ-же столкновеніи съ дѣйствительностью оказывается раздавленнымъ, никуда негоднымъ существомъ.

Такая-же интеллигентная тряпка фигурируетъ и въ небольшомъ очеркѣ г. Баранова, номѣщенномъ въ февральской книжкѣ «Русскаго Богатства», подъ заглавіемъ «Монологи». Врачъ, еще не старый, въ дни студенчества «подававшій надежды», попадаетъ въ провинціальную глушь и погибаетъ нравственно, окончательно сходясь съ круга. Разсказъ ведется отъ его лица, въ видѣ монолога. Онъ сидитъ передъ четвертью водки и передаетъ намъ исторію своей гибели.

...«Ты, милый человѣкъ, въ мое нутро-то посмотри — каково тамъ! Возвущивъ всю канитель многолѣтнюю, которую я тянулъ... Многолѣтнюю! И того нѣтъ: нять — шесть лѣтъ какихъ-то всего... И ни битвъ, ни стычекъ крупныхъ тутъ не было, даже крупныхъ неприятностей почти не случалось, а все такъ что-то, какія-то мелочи. Сѣро, сѣро и пошло, и еще галерея Егоръ Егорычей, Семенъ Семенычей и проч., и проч. Вѣдь ничего ужаснаго въ нихъ нѣтъ. Напротивъ, добродушные, милые люди, — встрѣять, обласкать каждаго, улыбаются такъ умильно, что просто плѣняются. Овечки, а не люди, чортъ ихъ возьми! И о литературѣ не прочь потолковать, и объ «общественномъ благѣ» словечко ввернуть... А въ этомъ-то, — въ нихъ то, да во всей ихъ пошлости-то и сила...»

Но эти мелочи и губятъ человѣка: онѣ охватываютъ его со всѣхъ сторонъ и затягиваютъ медленно, но вѣрно въ настоящую тину обывательской пошлости. И ничто уже не можетъ спасти тогда отъ нихъ несчастную, слабую жертву. Всѣ усилія ея остаются тщетными. Напрасно бьетъ

она, напрасно кричитъ — «къ чорту водку», какъ герой «Монологъ»: нѣтъ спасенія. «По крошечкѣ, по булавочной головкѣ старья-то дрожжи изъ тебя выдыхаются, старья-то основы изъ души вытравливаются, пока такъ не останется какая-то мразь. А ты, подумай, — говоритъ спившійся докторъ, — что пришелъ человѣкъ да такъ воть, сбухты-барахты, и залѣзъ съ радостью въ это болото вмѣстѣ съ ногами?... А знаешь-ли, сколько невыносимѣйшихъ минутъ пережито? Знаешь-ли, какая это мука — въ минуты просвѣтлѣнія слѣдить, какъ зараза, словно гангрена, все больше и больше разъѣдаетъ твою душу? Знаешь, что значить видѣть, какъ оттуда отрываются лучшія чувства, лучшія побужденія — и опошляются навсегда... Знаешь-ли, каково слѣдить за этой медленной душевной растратой? Знаешь-ли...»

Въ такую именно минуту просвѣтлѣнія и застаемъ мы героя «Монологъ». Въ немъ проснулось сознаніе, и изъ пьяной груди его вырывается вопль отчаянія. Онъ хочетъ бросить свою пошлаую, пьяную жизнь; хочетъ вернуть молодость, ея золотые сны, ея радости, ея надежды. Но все это давно уже погребено, давно залито водкой... Докторъ чувствуетъ это, плачетъ жгучими словами, мѣшаетъ ихъ съ водкой, и пьетъ рюмку за рюмкой... «А я воть возьму, хлопну рюмку — воть вамъ и идеалъ!»...

И г. Барановъ, такимъ образомъ, знакомитъ насъ съ интеллигентомъ съ трусливой совѣстью.

Что это значитъ? Почему наша литература такъ усиленно занимается этими героями безволія? Неужели-же изыскли въ русской жизни здоровые источники, откуда могли бы черпать вдохновеніе наши художники? Неужели наша русская жизнь не знаетъ цѣлѣныхъ, здоровыхъ людей, способныхъ держать, наслаждаться, веселиться, работать, вѣсьмъ существомъ своимъ и въ жизни почерпать наслажденіе? Неужели-же одни только гробы поваленные окружаютъ насъ?